

Музей-заповедник «Родина В.И. Ленина» работает над созданием экспозиции по истории Симбирского-Ульяновского театра. Составить должное представление об этой замечательной теме невозможно без архивных документов.

А ведь история театра в Симбирске – спектаклей, антрепренёров, артистов, чьи имена когда-то были известны целой России, – действительно интересна, плодотворна, поучительна, богата на неожиданные находки и так же непроста в разработке. Жизнь заставляла служителей Мельпомены непрестанно гастролировать: сегодня в Симбирске, а завтра – в Пензе, Варшаве, Конотопе, Уссурийске... По тому документальных свидетельств объяснимо мало.

Симбирский театр: сквозь призму полицейских рапортов

М.С. Дальский
в сценическом
костюме.
Открытка начала
XX века

Но Российская империя не зря называлась «полицейским государством». Именно на полицию возложено было наблюдение за театром, и «критики» в мундирах зорко следили за тем, что происходило вокруг театральных подмостков. О происходившем блюстители порядка рапортовали симбирскому губернатору и в судебные органы, если того требовало происходящее. Взгляд полицейских – специфический, но он способен расширить сложившиеся представления о дореволюционном симбирском театре.

Начнём с того, что театр не был «общедоступным» развлечением. Билеты были недёшевы, а лучшие места – откровенно дороги. Но театрал, знаток кулис – это звучало престижно, являло общественный статус, и оттого «богатые и знаменитые» спешили занимать места в ложах.

В приходно-расходной книге Главной Теренгульской вотчинной конторы симбирского помещика Константина Скребицкого мы читаем о 122 рублях 50 копейках, издержанных «Константином Александровичем на Театр» всего-то за январь месяц 1858 года, и ещё о 21 рубле, потраченном им же «На Ложу Гимназистам» в том же театре. Как видим, предоставление возможности посетить театральное представление превращалось в форму общественной благотворительности!

Сами артисты обязаны были играть, по меньшей мере, одно представление в сезон в пользу «инвалидов», то есть пожилых и покалеченных на службе солдат. Спектакль, состоявшийся в Симбирске 24 января 1877 года, ввиду неминуемого начала русско-турецкой войны принёс ощутительных 250 рублей сбора.

О сердечном благотворительном порыве того же времени сообщает рапорт Карсунского уездного исправника Орлова: «Прибывшими в город Карсун, на Троицкую ярмарку, Австрийским поданным, акробатом Антоном Краузе и состояшею под ведением вдовы Саксонского подданного Юлии Фридерик труппою акробатов 15 и 16 числ мая месяца 1877 года даны акробатические представления в пользу инвалидов и вырученные от этих представлений деньги 34 рубли 21 коп. мною сданы в Карсунское Уездное Казначейство...».

Театральный сезон начинался в сентябре и завершался с началом Великого поста, то есть в феврале-марте. Но в начале XX века церковь всё меньше оказывала влияние на общество, а общество, уставшее от войн и революций, настойчиво требовало зрелищ. В театральном обиходе появился сезон «Пост-Пасха», занимавший весенние месяцы, март и апрель.

А в мае – в наших пределах, чаще в уездном городе Сызрани, на открытой площадке увеселительного сада начинался летний театр, сезон которого длился до осеннего похолодания и дождей.

Зрители, за свои-то деньги, желали разнообразия. Обеспечить высокие сборы могла только постоянная смена лиц и репертуара. Каждый год – новая труппа. Антрепренёрам приходилось решать непростую задачу. В качестве залога, ещё до начала представлений, они обязаны были внести в полицию сумму, равную половине декларированного месячного жалования труппы. Даже при маленькой труппе, даже в «уездной» Сызрани это составляло от 800 рублей, деньги вполне серьёзные по тем временам.

Другая проблема – цензура представляемых пьес. Ведь полиция запросто могла запретить и охотно запрещала то, что казалось либо «революционным», например «Горе от ума» А.С. Грибоедова, либо слишком злободневным и безнравственным, как «Власть тьмы» Л.Н. Толстого. В военном 1904 году симбирский полицмейстер Василий Асафович Пифиев запретил постановку драмы «Гейша», произведения американского драматурга Дэвида Беласко. Трагическая история любви американского моряка и восточной красавицы, видимо, могла заронить в сердца обывателей ненужные прояпонские симпатии.

Женщины в Российской империи были лишены политических прав и возможностей занимать чиновные должности. Театр бросал вызов существующему порядку вещей – ведь на актрис, в первую очередь, спешили полюбоваться помещики, военные и государственные мужи. Поэтому в полицейских «Списках артисток и артистов Симбирского театра в сезон такого-то года» именно слабому полу принадлежит почётное место в начале списка.

В то же время, в соблюдение общественной нравственности, полиция требовала от антрепренёра труппы строгую и, в общем, унижающую достоинство милых дам подписку в том, «чтобы артистки не ездили по номерам», то есть по гостиницам с посторонними мужчинами. Обвинение «в порочном, будто бы, поведении» легко превращалось в руках недобросовестного антрепренёра в удобное оружие изгнания «неудобной» актрисы.

Зато прекрасные артистки могли похвастать куда как более высокими

суммами месячного жалования. Так, непревзойдённой в местной театральной истории жалования в 525 рублей в месяц удостоилась в сезон 1897–1898 годов первая лирическая певица, жена обер-офицерского сына Варвара Михайловна Дункель, по сцене Иванова. 450 рублей в месяц в сезон 1904–1905 годов получала героиня, николаевская мещанка Нина Николаевна Икономопуло, по сцене Орловская, 35 лет. Первый тенор, виленский мещанин Фёдор Казимирович Казимиров, по сцене Дунаев, блиставший в дуэтах с госпожой Ивановой, довольствовался «всего-то» 400 рублями месячного жалования.

В сезон 1877–1878 годов на симбирской сцене блистала Марья Савишна Савина, драматическая актриса с месячным жалованием в 250 рублей. В 1883 году она играла в театре «Скоморох», выступавшем в Нижнем Новгороде, где попала «на зубок» начинающему литератору Антоше Чехонте, великому Антону Павловичу Чехову: «Г-жа Савина много ныла, много руками махала, энергично белками вращала, но ничего не вышло. Что-нибудь из двух: или она плохая актриса, или же озябла... Думаем, что то и другое». Её партнёр по Симбирску, драматический актёр Алексей Иванович Славин, с теми же 250 руб. в месяц, в 1889–1909 годах состоял в труппе столь любимого Антоном Павловичем московского Малого театра.

Впрочем, даже известный российский и советский артист Михаил Москвин-Тарханов (1877–1948), брат великого Ивана Москвина, блиставший на симбирской сцене в сезон 1904–1905 годов с характерными ролями, довольствовался 100 рублями в месяц. И не о своём ли симбирском опыте слагал эти строфы «большой мастер эстрадного куплета» Николай Ленский, гастролировавший в Симбирске в сезон 1882–1883 годов в амплу простака, приглашённый в губернский город на 200 целковых месячного оклада:

*Антрепренёр театр берёт,
Воззрений полон только честных.
К себе он в труппу призовет
Артистов более известных.
В нём много опыта и сил,
Он так любезен, добр и мил.
Насчёт же верности оплаты...
Сэ дило треба разжуваты!*

«К сожалению, никаких биографических сведений о Ленском не осталось», – пишет в своей книге «Куплеты

на эстраде и в цирке» известный эстрадный драматург и историк жанра Георгий Териков. В таком случае «Список Лицам, состоящим в труппе Симбирского Театра в сезон 1882/83 г.» оказывается ценным источником информации, способным дать «зацепку» для дальнейших биографических поисков о судьбе талантливого артиста. «Симферопольский мещанин Николай Алексеевич Калинин», – читаем мы его звание и настоящие фамилию и отчество.

С недобросовестностью антрепренёров вполне пришлось столкнуться будущей звезде российского «немного кинематографа», актёру и режиссёру Петру Ивановичу Чардынину. Весной 1897 года 24-летний артист был приглашён в труппу, набранную Екатериной Александровной Майковой для выступлений в уездной Сызрани. Артист должен был с удовольствием ехать в симбирские пределы – ведь здесь, в губернском городе, прошло его детство и отрочество. В Симбирске, на Московской улице, проживала его родная матушка крестьянка Екатерина Петровна Красавцева (такова же была настоящая фамилия самого актёра).

С 1 мая 1897 года труппа выступала со спектаклями. Но «родные стены» не очень-то помогли. Антрепренёрша Е.А. Майкова попыталась лично блеснуть на сцене, но «своей непредставительностью, нехорошим и неподходящим к сцене костюмом, неумелостью держать себя, неприятным голосом и незнанием ролей не понравилась публике, резко ошибавшей, освивавшей её несколько раз во время спектаклей и такими действиями не допускавшей её более на сцену». Сборы оказались аховыми. В труппе росло недовольство. Е.А. Майкова попыталась переложить вину за провал на режиссёра Кальвера, которого несправедливо уволила. Наконец 31 мая дама скрылась в неизвестном направлении, не заплатив ни артистам, ни служащим ни копейки месячного жалования!..

Благодаря расположению сызранского полицмейстера Ушакова артисты организовали товарищество, которое возглавил П.И. Чардынин. Уже 3 июня «его» труппа дала первый спектакль. С 4 по 7 июня с труппой выступил уже сделавший себе имя в России актёр и куплетист, «столп босяцкого жанра» Станислав Сарматов. Это принесло хорошие сборы. Любезный полицмейстер оказал ещё одну немалую услугу «товариществу» П.И. Чардынина,

не допустив выступлений в Сызрани успешной труппы «40 Дагомейцев», африканцев из страны, ныне известной как Бенин.

В том же летнем Сызранском театре в сезон 1904 года выступал ещё один наш прославленный земляк Константин Зефиринович Пузинский (1836–1915). В списке артистов труппы маститый Константин Зефиринович указан первым, перед артистами Московских императорских театров героем-любовником Михаилом Мартыновым и драматическим резонёром Михаилом Сапегиным, по сцене Варравиным. Но всей России К.З. Пузинский был известен в амплуа комических старух!..

Необходимым лицом в маломальски большой труппе становился суфлёр. Труд этого незаметного труженика сцены иногда оценивался выше, чем труд некоторых актёров. Сами они также блистали звучными сценическими псевдонимами, выражавшими сущность профессии: писец 2-го разряда Константин Никольский, по сцене Новицкий, быховский мещанин Георгий Гдалевич, по сцене Шумский.

Простаки, босяки, комики – как видим, театр был рассчитан на зрелище по преимуществу лёгкое и развлекательное. В Симбирске артисты «лёгкого жанра», случалось, попадали в непростое положение. 22 марта 1915 года сюда с гастрольями прибыл 39-летний артист оперетты Михаил Семёнович Иванов, по сцене Дальский. Имя М.С. Дальского, его роли, растиражированные на тысячах открыток, знала вся Россия. Сам Ференц Легар восхищался его выдающимся артистическим талантом и виртуозным мастерством танцовщика.

Легкомысленный гений уехал, оставив дома в Петрограде по адресу: Графский пер., 3 свою паспортную книжку. Но симбирская полиция не сделала скидки «беспашпортному» дарованию. М.С. Дальского трепали по приставам, дело о нём передали городскому судье. Наконец, получив по почте 13 апреля 1915 года злополучный паспорт, личный почётный гражданин Михаил Семёнович Иванов, по сцене Дальский, на другой же день поспешил выехать из Симбирска в Москву. Досадный эпизод – но именно он сохранил память о гастрольях в нашем городе выдающегося российского артиста!..

Иван Сивопляс